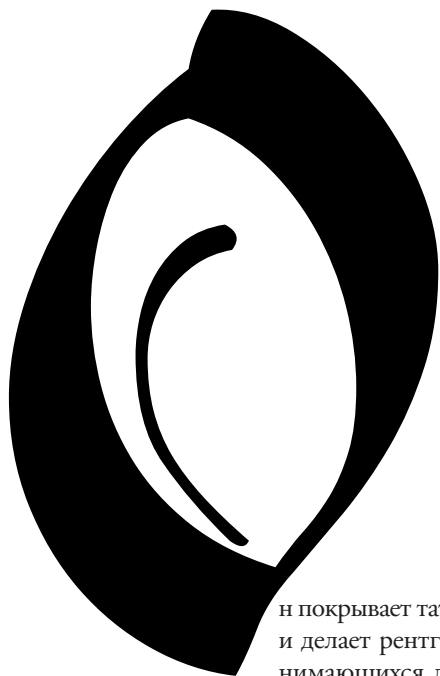

ВЫЙТИ ИЗ КОЛЕИ

ВИМ ДЕЛЬВУА — ОДИН ИЗ САМЫХ СКАНДАЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ СОВРЕМЕННОСТИ. НИ ОДНА СТАТЬЯ ИЛИ ТЕЛЕРЕПОРТАЖ О НЕМ НЕ ОБХОДЯТСЯ БЕЗ ЭПИТЕТОВ «ПРОВОКАТОР», «ЭПАТАЖНИК», ENFANT TERRIBLE. НО ДЛЯ ВЫСТАВКИ В ЦЕНТРЕ ГЕЙДАРА АЛИЕВА ОН СОБРАЛ СВОИ САМЫЕ КРАСИВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

Текст: АННА МАТВЕЕВА
Фото: ДМИТРИЙ ТЕРНОВОЙ

н покрывает татуировками живых свиней и делает рентгеновские снимки пар, занимающихся любовью, строит машину для производства экскрементов и создаст гибрид бульдозера с готическим собором. Его взгляды не менее провокационны, чем его искусство. И сложно поверить, что автор этих хулиганских работ — аккуратный европеец в очках и костюме, вдумчиво рассуждающий об искусстве в интервью «Баку» перед открытием выставки в Центре Гейдара Алиева.

БАКУ: Чем шокируете нас на этот раз?
ВИМ ДЕЛЬВУА: К организации этой выставки я постарался подойти с максимальным уважением. Как видите, здесь ►

в основном скульптура, прежде всего готическая серия. Я не стал выставлять татуированных свиней, рентгеновские снимки на грани порно и прочее, что могло бы оказаться для этого пространства «за гранью». Я не ставлю перед собой цели обязательно кого-то шокировать, не нужно выставлять меня в таком свете.

БАКУ: Тем не менее провокация – ваше второе имя. Вам нравится шокировать людей? Вы считаете это необходимым для искусства?

В.Д.: Не бывает провокации ради провокации. Но определенную резкость, остроту я считаю важной. Ведь современное искусство – инструмент познания мира, способ для общества посмотреть на себя со стороны и понять о себе что-то новое. Задача искусства – выбить зрителя из колеи, удивить его, снести крышу, сместить планку, чтобы он начал думать. Чтобы вышел за рамки привычного и комфортного представления о мире, задался вопросами, на которые надо искать ответы. Шок, ведущий к новым вопросам и размышлениям, – лучшее, что может дать человеку искусство.

Выставка в Центре Гейдара Алиева действительно почти вегетарианская по меркам Дельвуа. Большую ее часть составляют скульптуры на любимую художником готическую тему. Готикой Дельвуа увлекается давно, для него она не стиль, а образ пространственного мышления. Изысканные пролеты, арки, летящие вверх аркбутаны и колонны готических соборов художник воспроизводит в металле – и соединяет с современными формами. Например, может из готического ажюра сделать трактор или бульдозер. Может построить башню и скрутить ее в жгут, выжать, как мокрое белье. Его скульптуры на барочную тему тоже растянуты и перекручены. Чувствуется, что художнику доставляет почти физическое удовольствие мять руками объект, создавая из классических сюжетов новые, актуальные.

БАКУ: При всей провокационности ваши работы очень красивы. У них сложнейшие формы, кропотливо выполненный орнамент, в них отголоски и готики, и барокко, и восточных мотивов. Весь XX век искусство боролось за то, чтобы отказаться от необходимости быть красивым. И тут приходите вы и совмещаете ультрасовременную

художественную провокацию со старой доброй красотой.

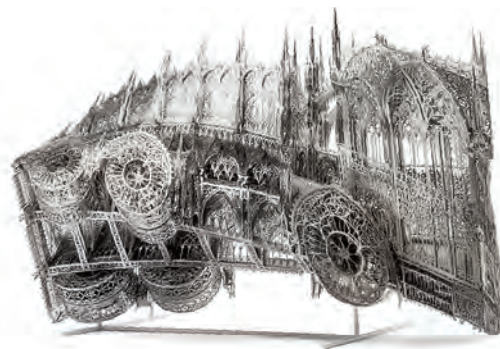
В.Д.: Знаете, на что должно быть похоже искусство? На лазанью. В лазанье много слоев: тесто, одна начинка, снова тесто, другая начинка, опять тесто... Искусство, если это хорошее искусство, тоже многослойно. В нем много смыслов, из-под одного слоя проглядывает другой, третий... При взгляде с разных сторон оно предстает разным и говорит о разном, в нем есть место всему. Да, я люблю и готику, и барокко, и красивые формы, и хорошо исполненные рукодельные вещи. Когда я начинал учиться, в моде был минимализм: художники тяготели к простым вещам и формам. Я испытывал от этого почти физическое ощущение тесноты. Сначала мы вычитаем из живописи и скульптуры сложность, потом форму, потом цвет или что-то еще – и остаемся почти ни с чем. Получается искусство скучное, искусство для профессиональных зрителей, которое варится в собственном соку. А я не люблю, когда скучно. Поэтому я не минималист, а наоборот, максималист: прибавляю к искусству и форму, и сюжет, и, главное, очень много материального труда, который вкла-

"Искусство
ДОЛЖНО БЫТЬ
ПОХОЖЕ
НА ЛАЗАТЬЮ

Брюссельская башня

Дафнис и Хлоя

Скрученный самосвал

дываю в каждую работу. Я возвращаю в искусство ремесленничество, ручность. Все мои работы – результат большого труда целой команды мастеров, причем очень квалифицированных. Я же перфекционист и мучаю и себя, и помощников, пока не достигну совершенства. Кстати, вот!

Вим Дельвуа внимательно разглядывает только что собранную монтажниками скульптуру – готическую башню из тончайшего алюминиевого кружева. Указывает пальцем на едва заметную неровность на стыке двух деталей и морщится: «Непорядок! Видите, я перфекционист».

БАКУ: Какие сюжеты вас вдохновляют?

В.Д.: Они могут быть повседневными. Мне интересно бросить новый взгляд на самые обыденные вещи. Например, серия с резными шинами была вдохновлена очень распространенным жизненным сюжетом: хулиганы любят прокалывать шины припаркованных на улицах машин. Я не понимаю, зачем они это делают, откуда эта агрессия, но подобное происходит в Европе очень часто. Полиция такими делами почти не занимается, потому что все равно никого не поймаешь. И я решил превратить акт агрессии в акт творчества: вместо простого прокола в шине – красивая сложная резь- ▶

ба. Мои резные шины похожи на скульптуры, иногда люди с первого взгляда даже не понимают, что это обычная резина, думают – бронза... Или вот чемоданы. Мы все путешествуем, у каждого есть чемодан, но я решил сделать их частью страны, в которую мы собираемся: они у меня покрыты чеканными узорами ручной работы иранских мастеров.

БАКУ: Какие страны у вас в планах?

В.Д.: Пока не знаю. Возможно, Сирия. Через несколько лет, конечно, сейчас туда лучше не соваться, но потом, возможно... Вообще я очень оптимистично смотрю на Ближний Восток – ожидаю, что в ближайшее время там будет взрыв... О, не в том смысле! Я имею в виду духовный взрыв, настоящий взрыв творческой активности, а не то, что вы могли подумать! (*Смеется.*) Да, в наши дни надо следить за словами.

В дальнем зале, полностью затемненном, Дельвуа выставил витражи. Они тоже объединяют в себе готическую форму и провокационное современное содержание. Кроме того, в них Дельвуа подшучивает над собой: изображения на стекле отсылают к самым известным его работам. Здесь и знаменитые свинки, и переплетения кишок (одна из самых знаменитых работ Дельвуа – инсталляция «Клоака», машина, имитирующая пищеварительный цикл человека), и рентгеновские фотографии. Всего витражей двенадцать, и называются они по месяцам: «Январь», «Февраль», «Март»...

БАКУ: Вы говорите, что возвращаете в искусство рукодельность и сотрудничаете с мастерами-ремесленниками. Сколько людей на вас работает?

В.Д.: Производство искусства начинается с идеи, которую я придумываю. Потом приходит время разработчиков. В случае с готикой я советуюсь с архитекторами, их семь. Мы планируем, как лучше сделать проект, – все мои башни и соборы требуют архитектурного решения. Потом – мастера. Много приходится заказывать в разных странах: я очень ценю местные ремесла и вдохновляюсь ими. В целом создание произведения занимает много месяцев. Это кропотливый и чаще всего ручной труд. Но вообще я вот что вам скажу: до всех архитекторов и ремесленников в дело

"В НАШИ ДНИ НАДО СЛЕДИТЬ ЗА СЛОВАМИ

вступают адвокаты! Прежде всего я думаю о том, что скажут они.

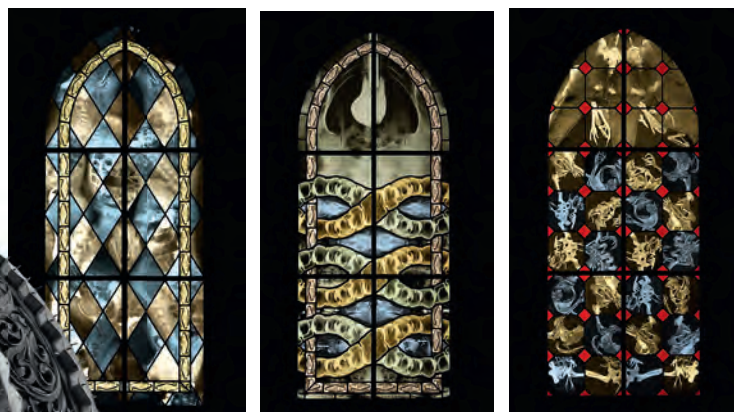
БАКУ: У вас ведь часто возникают юридические проблемы? Случай, когда общества защиты животных предъявили вам претензии за татуированных свиней, не единственный?

В.Д.: О да. Более того, я считаю, что это тоже часть произведения искусства. Я ведь татуировал не только свиней – однажды сделал большую татуировку человеку. Это было мое произведение, и его хотел купить немецкий коллекционер. И тут началось! Как можно продать татуировку? Что это? Торговля органами? Она запрещена. Парень-швейцарец, которого я татуировал, должен был написать завещание, что после его смерти его татуированная кожа переходит в собственность коллекционера. Но тут вступили в действие швейцарские законы, по которым завещание могут оспорить род-

Без названия

Без названия

ственники. Парню – хотя какой парень, это взрослый красивый мужчина за тридцать – пришлось просить отца и мать подписать бумагу, что они отказываются от прав на его кожу в пользу коллекционера. Те были в шоке. Ему также пришлось засвидетельствовать, что он не будет совершать действий, которые могут испортить татуировку. В общем, над этими тонкостями ломали голову три юриста. И эта свистопляска стала, на мой взгляд, полноценной частью произведения искусства, более интересной и показательной, чем сама татуировка.

БАКУ: Правда ли, что Louis Vuitton заявляли, что, татуируя на свиньях их логотип, вы нарушаете их авторские права?

В.Д.: Да, и это тоже потребовало консультации с юристами. Но дело в том, что я изображаю, а не подделываю их продукцию. Никто не примет мою татуи-

рованную свинку за вюиттоновскую сумочку, правда? Я татуирую свинок в Китае, где в огромных количествах производят подделки под Louis Vuitton. Такие сумочки идут нарасхват у китайских девушек – те мечтают о них, копят деньги, для них сумочка, пусть поддельная, – предел мечтаний. Вы вообще представляете, что творится в голове у людей, если их заветная мечта сводится к сумке? Вот об этом мое искусство, вот поэтому я наношу логотипы на шкуры

свиньям, и именно об этом стоит задуматься, а не о правах на логотип.

Искать предшественников Дельвуа – дело неблагодарное: ограниченным набором имен здесь обойтись невозможно. Он, кажется, переварил всю историю искусства, как традиционного, так и современного: помимо очевидных готики и рококо здесь и модернизм с его стремлением выйти за общепринятые рамки, и постмодернизм со смешением стилей и культурных отсылок, и оммажи практически всем значимым художникам прошлого. Сам Дельвуа в ответ на просьбу назвать любимых художников замолкает и задумывается.

В.Д.: Я стараюсь следить за всем. В молодости я очень увлекался Марселем Дюшаном. Говоря о нем, никогда нельзя представить что-то одно – Дюшан ведь очень многоликий и разный. Может быть, поэтому из меня получился такой же «неодинаковый» художник: ни у него, ни у меня нет единого стиля, одного лица. В отличие от, например, Энди Уорхола, который всегда узнаваем. Кстати, фирменный стиль всегда лучше продается. ♦